ДѢНЬЩИКЪ.

(физіологической очеркъ).

Говорятъ въ каждомъ человѣкѣ есть сходство съ тѣмъ или другимъ животнымъ — по наружности, по пріемамъ, собственно по лицу или даже по свойствамъ и качествамъ. Единственный въ своемъ родѣ Гранвиль неподражаемо умѣлъ схватывать сходство и отношенія эти и переносить ихъ карандашемъ на бумагу. Если бы у меня многотрудное умѣнье или искусство не отставало отъ вольнаго въ разгулѣ и дешеваго воображенія, то я бы, кажется, мастерски нарисовалъ деньщика Якова Торцеголоваго, въ видѣ небывалаго, невиданнаго чудовища, составленнаго изъ пяти животныхъ; одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишкомъ разнообразны. *Верблюдъ*, сутулый,

неповоротливый, молчаливый — а подчасъ несносно крикливый — и притомъ безотвѣтный работникъ до послѣдняго издыханія; *волкъ*, съ неуклюжею, но иногда съ смѣшною хитростью и жадностью своею, дерзкій и неутомимый во время голода; *песъ*, полазчивый, вѣрный, который лаетъ на все что только увидитъ внѣ конуры своей; *хомякъ*, домовитый хозяинъ, съ запасными сумками за скулами, который полагаетъ по видимому, будто весь міръ созданъ для того только, чтобы было откуда таскать запасъ и припасъ въ своюнорку — и наконецъ: *бобръ строитель*, который на всё мастеръ, всё умѣетъ сдѣлать что нужно въ домѣ, и хоть изъ грязи, да слѣпитъ хатку и живетъ по своему хорошо. Вотъ эти пять животныхъ — вотъ какой сложный звѣрь вышелъ бы у меня изъ Якова Торцеголоваго; — а чей хвостъ, чья голова, чьи руки и ноги у него, разбирайте сами!

Онъ попалъ въ деньщики по малому росту и сутулости, былъ сверхъ того лѣвша, любилъ на ходу глядѣть въ землю, махать руками, переваливаться и распускать около

себя одежду по вольнѣе. Изъ кармановъ шараваръ его и казачьяго кафтанчика всегда почти висѣли концы нитокъ и бичевокъ; а на днѣ кармана лежали пробки, мѣлокъ, рожокъ или тавлинка, горсть гороха и другія подручныя принадлежности; а когда полкъ стоялъ въ южной Россіи, то во всѣхъ карманахъ у Якова, не исключая и жилеточныхъ, были разсыпаны для обиходнаго лакомства арбузныя сѣмечки.

Иногда какое нибудь стеклышко, отбитая отъ чашки ручка, обломокъ сургуча, или найденная гдѣ нибудь петелка, гвоздь, крючекъ, попавъ въ карманъ Якова, держались тамъ очень долго, по нѣскольку мѣсяцевъ; шаритъ бывало по карманамъ, за чѣмъ нибудь, попадется въ руки мѣлокъ, пробка или гвоздь — онъ поглядитъ на него, иногда еще попробуетъ на зубъ, не серебро ли, и положитъ опять на мѣсто. Перебирая, отъ нечего дѣлать, рѣдкости эти, Яковъ припоминалъ гдѣ и какъ онѣ найдены или достались ему, по какому случаю попали въ карманъ, и тѣшился такимъ образомъ живыми воспоминаніями своихъ

похожденій. Въ этомъ скопидомствѣ, вы конечно узнаньте хомяка. Какъ тѣснаго, такъ и короткаго платья Яковъ не могъ терпѣть и говаривалъ, что онъ былъ этимъ испуганъ въ малолѣтствѣ. Когда баринъ хотѣлъ было ему однажды сшить, изъ стараго мундира, куртку, — то Яковъ разревѣлся какъ верблюдъ, увѣряя въ отчаяніи, что послѣ этого нельзя больше жить на свѣтѣ. Онъ любилъ чтобы все около него было и просторно и прикрыто, и потому предпочиталъ всякой иной одеждѣ темнозеленый казакинъ со сборками; но только не въ обтяжку. Одинъ изъ кармановъ или лацканъ этого облаченія были обыкновенно надорваны, обшлага съ исподу вытерты на *нпыть*, до самой кисти, на лацканѣ же, на ребро въ шовъ, затыкались торчмя, про всякой случай, булавки, а съ боку претолстая игла, укутанная ниткой, въ видѣ цыфры 8. Жилетка обыкновенно пользовалась преимуществомъ красной выпушки; фуражка съ козырькомъ — обносокъ

барина, — и сапоги своей работы довершали нарядъ.

На сапоги свои Яковъ любилъ иногда глядѣть безъ–отчетно и засматривался на нихъ по цѣлымъ часамъ, особенно когда они были недавно вычинены имъ и вымазаны саломъ. Тогда Яковъ охорашивался, сидя гдѣ нибудь въ углу, повертывалъ предъ собою ногу и старался заглянуть подъ подошву, чтобы полюбоваться новыми подметками. Онъ мурлыкалъ въ такое время про себя «растоскуйся ты моя голубушка!» или насвистывалъ сквозь зубы другую заунывную пѣсню.

Яковъ служивалъ на вѣку своемъ у всякихъ господъ, какъ увѣрялъ онъ, и служилъ вѣрой и правдой. Первый баринъ его былъ немножко безпокойнаго нрава, любилъ повеселиться, — но былъ очень скученъ и не веселѣ и крутенекъ. Угодить на него было мудрено, но Торцеголовый, благодаря Бога, ладилъ и съ нимъ; плакался Яковъ на него, это правда, но плакался, какъ жалуются, по привычкѣ, на весь Божій

свѣтъ; а не на то чтобы заправду, какъ жалуются на бѣду неминучую, извѣстную, общую, на господъ–де, извѣстное дѣло, не угодишь; господской работы не переработаешь; работа наша, хоть день и ночь прибирай, не видная, — ровно ничего не дѣлаешь а квечеру поясницу разломитъ и проч. а за тѣмъ, въ утѣшеніе себѣ же, онъ приговаривалъ: чтожъ, извѣстно на то они и господа. Съ этимъ то бариномъ, человѣкомъ по чину очень небольшимъ, Яковъ ѣхалъ однажды на перекладныхъ; скакали, сломя голову, день и ночь, въ погоню за самонужнѣйшимъ дѣломъ. Можетъ статься время было холодное, или безсонье одолѣло путника, или наконецъ его растрясло не въ мочь — но только онъ, по привычкѣ своей, подкрѣпился разъ, а тамъ и другой и третій — да такъ крѣпко, что слегъ вовсе. У насъ принимаютъ вообще три степени этого отвлеченнаго состоянія: съ *воздержаніемъ*, съ *разстановкою* и съ *расположеніемъ*; при первой степени, одержимый можетъ еще пройти подлѣ стѣнки, придерживаясь за нее; при второй,

съ разстановкою, можетъ итти, если двое поведутъ его подъ руки, а третій будетъ разставлять нльги; при послѣдней же степени, съ расположеніемъ, одержимый располагается, гдѣ случится, гдѣ припадокъ захватитъ его врасплохъ, и растянувшись во весь ростъ лежитъ безчувственно, такъ, что никакія силы не могутъ болѣе воздвигнуть его на ноги. Этой то третей степени самозабвенія достигъ баринъ Якова, на одной изъ станцій — но помнилъ еще одно обстоятельство: что ему надо ѣхать, надо торопиться, погонять и драться. Баринъ Якова не былъ собственно дантистомъ, — какъ классически выразился Гоголь; — но подчасъ все–таки считалъ пріятнымъ долгомъ заняться по сей служебной части.

Между тѣмъ на станціювходитъ какой то проѣзжій и видитъ слѣдующее: на диванѣ лежитъ, растянувшись во весь ростъ и закрывъ глаза, человѣкъ довольно длинный и стройный; подлѣ сидитъ на стулѣ другой, въ темнозеленомъ казакинѣ, изъ кармана коего торчитъ каротенькая трубка и виситъ какой то ремешекъ; этотъ человѣкъ звенитъ

почтовымъ колокольчикомъ, надъ головою соннаго, который по временамъ, въ свѣтлыя минуты, тщетно силится раскрыть глаза, замахнуться кулакомъ и заставляетъ непослушный, суконный языкъ свой прокричать грозное: пошелъ! и снова замахивается кулакомъ. Проѣзжій остановился предъ этой занимательной живой картиной, спросилъ вполголоса: что это такое? и Яковъ, продолжая звенѣть, отвѣчалъ со вздохомъ: «да вотъ сударь, другія сутки едакъ ѣдемъ; какъ перестанешь звенѣть, такъ дерется; пошолъ, говоритъ, да пошолъ; спроситъ водки — да опять пошолъ; вотъ и ѣдемъ».

Долго ли коротко ли Яковъ съ бариномъ ѣхали такимъ образомъ, далеко ли уѣхали — не знаю, но этотъ способъ ѣзды, столь докучливый для Якова, оказался также вреднымъ для барина его, который, пустившись въ безконечныя поѣздки и путешествія этого рода, — вскорѣ волею Божіею помре. Когда несчастіе это совершилось, то бѣдный Яковъ Торцеголовый въ отчаяніи ударилъ руками

объ полы и залился слезами. Онъ пересчитывалъ и припоминалъ всѣ дурныя свойства и качества покойнаго, оканчивая однако же каждый разъ припѣвомъ: «да все таки баринъ добрый былъ»! «Бывало сердечный жалованьишко прогуляетъ, ѣсть нечего до трети — нѣтъ ли братъ Яковъ каши? да каши сударь нѣтъ, — крупы то вѣдь немного отпускается, сами знаете; — ну, говоритъ, такъ хлѣба ломоть отрѣжь, жалованнаго, казеннаго — добрый баринъ былъ! конечно, что правда то правда, какъ подгуляетъ бывало, такъ больно дерется.... ну, на то они господа; а все баринъ былъ добрый»!

Чувствительность и добродушіе русскаго человѣка при подобныхъ случаяхъ заслуживаетъ всякаго уваженія. Напр. везутъ знаменитаго, сановнаго покойника, бабы, выскочившія толпой, съ любопытствомъ смотрятъ на поѣздъ, и готовы пожалуй и заплакать, смотря потому, кто какъ съумѣетъ направить ихъ участіе. «Да это кто же»? спрашиваетъ одна: «это покойникъ, тотъ и тотъ,

извѣстный на всю Россію человѣкъ». «Охъ онъ батюшка мой родной, сердечный.... а это что же вонъ ѣдетъ за нимъ?...» Это называется печальная колесница, это карета покойнаго.... «охъ она моя матушка, голубушка...» и баба, забывъ отъ избытка участія покойника, готова горько плакать надъ каретой!

Яковъ побѣжалъ объявить о смерти барина своего адъютанту — и сказалъ ему предлинную, чувствительную рѣчь, которой смыслъ — по отрывистому расположенію думъ Якова — трудно выразить, но въ коей нѣсколько разъ повторялось: «власть Господня, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, покуда грѣхамъ нашимъ терпитъ — а у меня сударь, извѣстное дѣло, теперь родныхъ больше нѣтъ, окромѣ васъ, больше заступиться за меня не кому».

Адъютанта этого Яковъ причелъ въ родни потому, что тотъ болѣе другихъ знался съ бариномъ его и часто дружески его журилъ, стараясь убѣдить, что изъ него могъ бы вытти очень порядочный человѣкъ, если бъ онъ не обращался слишкомъ часто

въ скотину. Тогда бывало и Яковъ, простоявъ во все время такой рѣчи у дверей и переступая спокойно съ ноги на ногу, принималъ слово, по уходе адъютанта, и читалъ барину наставленія, въ родѣ слѣдующихъ:

«Ну что, сударь, бросьте, — ей Богу бросьте, они правду говорятъ. Отъ этого что хорошаго будетъ — ничего не будетъ; вотъ намѣдни вы изволили заснуть въ передней на лавкѣ — а тутъ въ потьмахъ васъ завалили было шинелями; что добраго, такъ и бы задохлись; вѣдь я насилу васъ вытащилъ; право сударь, вѣдь цѣлый ворохъ шинелей накидали на васъ, а ужъ вы безъ памяти изволили быть; или вотъ хоть на той недѣлѣ какъ изволили съ господами гулять, да кучеръ Ивана Марковича свалилъ васъ въ одни пошевни, развозилъ васъ по домамъ; — подъѣхалъ къ фатерѣ вашей и кричитъ: Яковъ, а Яковъ, — поди возьми своего барина, говоритъ. Я вышелъ, а вы еще изволите упираться, а тамъ и драться, не тронь говорите, не подымай меня, не твое дѣло. Ну чье же сударь дѣло, коли не мое?

Извѣстно уже, коли я не присмотрю за вами, такъ кто же приглядитъ? Не хорошо сударь, воля ваша, что–этакъ то хорошаго будетъ? Ничего небудетъ!»

Когда, по внезапной смерти барина, пришли описывать и опечатывать имѣніе его, то Яковъ, изъ усердія къ покойному, заступился за такъ называемое имѣніе это и не хотѣлъ допустить никого; за это попалъ онъ подъ караулъ и чуть не было еще хуже. Что онъ думалъ въ это время, какъ могъ отстаивать мундиръ и панталоны покойнаго барина силой, — этого не могъ онъ объяснить толкомъ никогда; но отговаривался и оправдывался впослѣдствіи тѣмъ только, что, «извѣстно–де, за покойника заступиться некому, какъ же мнѣ не беречь господскаго добра?»

Относительно правъ собственности, у Якова Торцеголоваго были вообще особенныя понятія, кои требуютъ нѣкотораго поясненія. Нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ всегда на правахъ волка — но, давно сказано: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Онъ, во

первыхъ дошелъ своимъ умомъ, до основныхъ понятій философіи Канта, съ тѣмъ только различіемъ, что употреблялъ, при всеобщемъ раздѣленіи вселенной, множественное число, вмѣсто единственнаго; весь міръ распадался для него на двѣ половины: на *мы* и *не мы*. *Мы*, это были для него самъ онъ, съ бариномъ своимъ, и со всѣми своими пожитками; *не мы* — это были всѣ прочіе господа — весь видимый міръ. Въ болѣе обширномъ смыслѣ, *мы* означало также свою роту, баталіонъ или даже полкъ; а въ самомъ пространномъ значеніи, *мы* принималось въ смыслѣ: вся армія, всѣ военные, и тогда *мы* и *не мы* было тоже, что пріятель и непріятель.

За тѣмъ, обязанности Якова, какъ человѣка, христіанина и служиваго — были въ глазахъ тѣмъ священнѣе и нерушимѣе, чѣмъ тѣснѣе можно было примѣнить къ вопросному случаю понятіе *мы*; но онъ потакалъ самъ себе тѣмъ болѣе въ произвольномъ примѣненіи этой истины, чѣмъ шире становилось философское

понятіе; не признавая за собой уже почти никакихъ обязанностей, за предѣлами, этого основнаго понятія; тутъ Яковъ обращался въ волка, съ ногъ до головы; тутъ онъ вступалъ уже, какъ полагалъ, по всѣмъ правамъ, въ непріятельскую землю и понималъ своимъ умомъ буквально и очень ясно изрѣченіе: бей и маленькаго, выростетъ — непріятель будетъ!

Воръ — слово постыдное въ глазахъ Якова; воръ былъ у него тотъ, — кто готовъ былъ обокрасть барина своего или собрата, сотоварища, кто воруетъ у той половины вселенной, которую Яковъ называлъ *мы* и *наше*. Яковъ плюнетъ на такого человѣка и отойдетъ. Но если бъ вы сказали ему, что и самъ онъ воръ, потому что въ хозяйствѣ его находится не купленный ухватъ, взятая гдѣ–то мимоходомъ сковорода; сапоги, стоющіе рубля четыре, и купленные по извѣстнымъ причинамъ за двугривенный — то Яковъ выпучилъ бы на васъ глаза и съ чистѣйшею совѣстію покачавъ головой, сослался бы на барина своего и на весь полкъ: они–де знаютъ его, Якова, какъ

человѣка, котораго можно обсыпать золотомъ и онъ ничего не тронетъ. Затѣмъ онъ, смотря по обстоятельствамъ, или разбранилъ бы клеветника своего въ глаза, или сказалъ бы: Богъ съ нимъ; обидѣть, извѣстно, можно всякаго человѣка, хоть кого угодно — Богъ съ нимъ.

Изъ бѣды и напасти, то есть, изъ острога, послѣ заступничества за имущество покойнаго барина, Якова выручилъ другой баринъ, который взялъ его въ деньщики. Яковъ обѣщалъ и тому служить вѣрой и правдой, и сдержалъ, по своему, слово. Онъ, можетъ быть отъ избытка усердія, попадалъ иногда въ просакъ, но не смущался этимъ, зная разъ навсегда, что на господъ не угодишь. Однажды онъ вычистилъ золоченыя пуговицы кирпичемъ; онъ положилъ въ другой разъ четверть фунта корицы въ супъ, полагая утѣшить барина французскимъ столомъ; онъ, по ошибкѣ, заправилъ щи, вмѣсто уксуса, ваксой, — видно бутылочки обѣ стояли рядомъ; онъ положилъ плохо завязанный узелокъ, съ толченою солью, въ барскій

чемоданъ и пересолилъ бѣлье и платье насквозь; онъ на свѣтло–сѣрую шинель барина своего положилъ заплату, оливковаго цвѣта, пристегавъ ее бѣлыми нитками; онъ дергалъ, отъ избытка усердія, сѣдой волосъ изъ боброваго воротника; онъ выскребъ, для опрятности, столъ краснаго дерева косаремъ, потому что у перваго барина его не было такого домашняго обзаведенія, а были столъ и лавки простые, какіе въ деревнѣ случались. Становился ли онъ умнѣе, послѣ каждой изъ подобныхъ продѣлокъ — этого не знаю, но онъ видѣлъ только въ неудовольствіи барина каждый разъ новое подтвержденіе важнѣйшей статьи, изъ опытной премудрости своей — что–де извѣстное дѣло, на господъ не угодишь; но не сердился нисколько, когда его бранивали за подобныя продѣлки, потому что и это–де извѣстное дѣло, безъ того нельзя, чтобы не побранили, на то они господа.

Бывало Яковъ собирается писать домой письмо; тогда онъ ходитъ нѣсколько дней призадумавшись, забываетъ дѣло и

отвѣчаетъ невпопадъ. Напримѣръ: Яковъ! — молчокъ. — Яковъ! — сейчасъ сударь. — Яковъ, что ты не идешь, когда я зову? — Да тамъ нельзя было бросить и отойти... — Что же ты дѣлалъ? — Собирался было руки помыть... Письмо крѣпко озадачивало Якова, и хотя это случалось никакъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ, но зато онъ въ это время жилъ душою дома, гдѣ не бывалъ уже лѣтъ около двадцати. Письма этого рода, пишутся, какъ извѣстно, отъявленными писаками, на заказъ, и раздѣляются, по цѣне, на два или три разряда, смотря по тому, *полные* ли, или *неполные* посылаются поклоны; Яковъ не противорѣчилъ однако же и тому, когда одинъ заказной плутъ, изъ писарей, взялъ съ него лишнюю гривну, за то, что полкъ перешелъ далѣе и что письмо Якова теперь далеко пойдетъ. Полные или неполные поклоны, смотря по количеству финансовъ Якова, — если онъ не рѣшался упросить кого-нибудь написать письмо въ долгъ — составляло вообще самое существенное различіе этихъ писемъ, въ которыхъ однако

же всегда говорилось нѣсколько словъ о баринѣ. Человѣкъ двадцать родныхъ было еще у Якова — русскій человѣкъ безъ нихъ не живетъ — и онъ отписывалъ каждому порознь и поимянно милостиваго государя или государыню, любезнаго, возлюбленнаго, вселюбезнѣйшаго — а затѣмъ нижайшій, глубочайшій, усердный, преусердный или другаго разбора поклонъ; — называлъ себя мы, сестру или брата вы, испрашивая у родителей, дядей, тетокъ и проч. у каждаго порознь, ихъ родительскаго или родственнаго благословенія, на вѣки нерушимаго, — прибавляя: а о себѣ скажу, что мы, благодаря Бога, живы и здоровы обрѣтаемся, чего и вамъ желаемъ и вседневно и всечасно у Создателя въ горячихъ молитвахъ испрашиваемъ, и заканчивалъ обычнымъ и приличнымъ оборотомъ: *уважаемый вами* — такой–то. Онъ иногда вставлялъ еще гдѣ–нибудь извѣстія, о здоровьѣ или нездоровьѣ своего барина, говорилъ: что мы–де съ бариномъ собираемся жениться и проч.

Разговорный языкъ Якова также отличался галантерейностію своею и часто смѣшилъ людей. Онъ поздравлялъ барина и другихъ офицеровъ съ собственными своими имянинами: «Ваше благородіе, имѣю честь проздравить, я имянинникъ;» — онъ говорилъ изъ вѣжливости: «я изволилъ вамъ докладывать, или вы изволили мнѣ доложить»; раздѣляя весь видимый міръ, по теоріи Канта, на *мы* и *не мы* — на пріятелей и непріятелей — онъ объ рѣдкомъ человѣкѣ относился съ равнодушіемъ, или даже со спокойствіемъ и большею частію горячо вступался за людей, или бранилъ ихъ безъ пощады. Кто хорошъ, тотъ былъ для него золотой и хорошъ безъ мѣры; а кто досадитъ, тотъ уже никуда негодился отъ козырька до закаблучьевъ. Замѣчательны были, въ сихъ и подобныхъ случаяхъ, доводы и причины Якова, коими онъ оправдывался предъ бариномъ своимъ, или посторонними людьми. Напр. Якову досталось однажды съѣздить куда–то, на лошади сосѣдняго помѣщика Губанова; лошадь не показалась Якову, или пристала,

что ли дорьгой — и съ этого времени онъ придумалъ, для брани, поговорку: «а чтобъ тебя съ Губановымъ на пристяжку пустить!» Когда нашлись люди, которыя замѣтили Якову, что не хорошо браниться такъ и не кстати, то онъ отвѣчалъ: «Помилуйте сударь, что тутъ не браниться, я, власть ваша, никого не займаю — а только послѣ этого ужъ и на свѣтѣ жить нельзя.» Не ходи ты Яковъ съ бреднемъ по этому озеру — сколько разъ тебѣ это добрые люди говорили — ты плавать не умѣешь, а тутъ омутъ на омутѣ! — «Ничего сударь, — отвѣчалъ Яковъ, — что же дѣлать, власть Господня, вотъ и намедни въ Грачевкѣ мальчикъ эдакъ же утонулъ»... а за тѣмъ, въ тотъ же день вечеромъ опять таки отправился съ бредникомъ на озеро.

Замѣчательное и преполезное, для барина его, свойство Якова заключалось еще въ томъ, что онъ былъ вездѣ дома, куда бы не пришелъ. Здравствуй хозяйка, здорово хозяинъ, и за тѣмъ онъ, перекрестившись, протягивалъ руку за ухватомъ и кочергой, очищалъ, гдѣ

слѣдовало мѣсто, себѣ и барину, зналъ по навыку, гдѣ найти чуланъ, коморку, клѣть, и чего и гдѣ тамъ искать; какъ задобрить или застращать хозяйку, чѣмъ угодить хозяину — и между–прочимъ зналъ также такое слово отъ котораго дружился съ каждой собакой, какъ только шагнетъ на дворъ. Отчего на тебя Яковъ и собаки не лаютъ? спрашивали у него бывало, и онъ отвѣчалъ, смотря по расположенію своему: «онѣ мнѣ всѣ свои, я всѣхъ ихъ знаю» — или: «а что ей лаять — не видала что–ли она человѣка?» Онъ всегда давалъ собакѣ кличку по шерсти, съ первой встрѣчи, спорилъ съ хозяиномъ, если тотъ увѣрялъ, что это не сѣрко а куцый; и куцый, повидимому, соглашался съ этимъ и охотно бѣжалъ на зовъ новаго пріятеля.

Извѣстно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выраженія отъ нашего: мужикъ рѣдко знаетъ мѣсяцы и числа, но знаетъ хорошо посты, заговѣнья, сочельники, всѣ праздники, святыхъ и избирая болѣе замѣчательные въ быту его сроки,

обозначаетъ ихъ сими названіями. У Якова былъ свой календарь, довольно понятный въ его кругу: время назначенія новыхъ капраловъ, фельдфебелей, ротныхъ, батальонныхъ, полковыхъ, бригадныхъ и наконецъ корпусныхъ командировъ; смотры, постройка или пригонка амуниціи, лагерь, ученье, перемѣна стоянки, марши, походы, дневки, привалы, — и наконецъ замѣчательныя событія въ ротѣ, въ баталіонѣ, въ полку: такой–то арестантъ бѣжалъ; такой–то солдатъ сломалъ прикладъ ружья, потерялъ штыкъ; тому или другому дана награда, такой–то произведенъ чиномъ, такой–то умеръ, переведенъ, вновь опредѣлился и проч. Вотъ эпохи, по коимъ Яковъ опредѣляетъ прошедшее; для настоящаго ему не нужно было календаря, потому–что оно пролетало мимо его, какъ мимо всѣхъ насъ; а для будущаго, потому, что онъ все будущее предоставлялъ Богу и говорилъ только: дастъ Богъ будетъ то и то — авось вотъ дождемся — и зналъ кромѣ того четыре времени года, какъ всѣ пять пальцевъ.

Ведро и ненастье, тепло и стужу, измѣрялъ и опредѣлялъ онъ также по своему: на дворѣ холодно, хоть ружье въ избу поставь, такъ развѣ чуть только отпотѣетъ; на дворѣ морозъ, лошади на конюшнѣ всю ночь протопали; видно сыро, барабанъ чуть слышно; жара такая, что за козырекъ рукой нельзя взяться; такой дождь, что ломоть хлѣба изъ пекарни подъ полой сухимъ не донесешь домой и проч. Честенъ былъ Яковъ по–своему, о чемъ мы уже говорили; честенъ и неподкупенъ для себя, для своего барина, роты, баталіона, полк÷ но чѣмъ дальше и шире расходился этотъ кругъ, тѣмъ жиже становилась честность нашего Якова и на самыхъ предѣлахъ перехода и видимаго міра изъ *мы* въ *не мы* — она была до того мутна, что терялась вдали, какъ сѣрый туманъ, безъ лица, безъ цвѣта и безъ образа. Чтобы употребить другое, можетъ–быть болѣе удачное, подобіе, скажемъ, что честность его расходилась отъ него во всѣ стѣроны клиномъ и оканчивалась, въ извѣстномъ или неизвѣстномъ разстояніи, будучи снята *на нѣтъ*.

Таковъ былъ Яковъ, и таковы будутъ всѣ Яковы наши, по–крайней–мѣрѣ большинство ихъ. Мастеръ и доточникъ, или источникъ, на всякую домашнюю потребу, онъ чинилъ сапоги, латалъ, какъ мы видѣли выше, платье, строгалъ, заклепывалъ, долбилъ, клеилъ и ладилъ все, что было нужно въ походномъ хозяйствѣ. Какъ комнатный, кравчій и постельничій, онъ ставилъ чайникъ, варилъ кофе, набивалъ трубки, бѣгалъ за виномъ рысью и откупоривалъ бутылки, стлалъ солому, покрывалъ ее простыней или рядномъ и клалъ въ голову подушку, а въ ноги халатъ, и прозапасъ еще шинель, чтобы одѣться; какъ конюшій и ясельничій, стремянный и кучеръ, онъ ходилъ за лошадью, когда она была у барина, сѣдлалъ ее, выбракованнымъ гусарскимъ сѣдлишкомъ, или закладывалъ въ пошевни; какъ приспѣшникъ, готовилъ онъ до четырехъ блюдъ: щи, кашу, пирогъ и битки. Верблюдомъ былъ онъ на походѣ, когда, запустивъ шаровары въ сапоги и навьючившись разнымъ скарбомъ, мѣсилъ

грязь мѣрною поступью волкомъ — какъ и гдѣ случалось: въ нуждѣ, за недосугомъ купить или выпросить то, что ему было нужно; вѣрнымъ псомъ былъ онъ всегда и вся забота его, все назначеніе, состояло въ томъ, чтобы хранить и оберегать, по крайнему разумѣнію господское добро; хомякомъ былъ онъ на зимнихъ квартирахъ, на стоянкахъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ постоюнамѣстѣ казались ему вѣкомъ, и онъ обзаводился въ то время всякой дрянью будто вѣкъ съ ней жить, для того только, чтбы послѣ долгихъ вздоховъ и соболѣзнованій, кинуть все это, когда приходилось выступить въ походъ; наконецъ бобромъ строителемъ Яковъ дѣлался, если не на каждомъ привалѣ то по–крайней–мѣрѣ на каждомъ ночлегѣ: вилы, два шеста или хворостина, рядно да охабка соломы — и дворецъ готовъ, извольте, ваше благородіе, перебираться!

В. Луганскій.